

الصفات في قصة ليونيد اندرييف (حياة فاسيلي فيفسكي) وفي قصة بوريس زائتسف (اكرافينا)

أ. م. د. هديل اسماعيل خليل

جامعة بغداد/ كلية اللغات/ قسم اللغة الروسية

الملخص:

الهدف من البحث هو وصف الأنماط العامة والخصائص الفردية للصفات البنائية في قصة ل. اندرييف "حياة فاسيلي فيفسكي" وقصة ب. زائتسف "اكرافينا". تطرح من خلال المقال الخصائص المجازية - الاسلوبية للصفات في كلا القصتين. في كلا القصتين نلاحظ انعكاس للواقع الروسي والاتجاهات الادبية التي ظهرت في ادب القرن العشرين التي يتبعها الكاتبان من خلال الصفات المستخدمة. وبالرغم من اختلاف وجهات نظر الكاتبين الا اننا نلاحظ وجود ملامح متشابهه في الوصف الموضوعي والطموح لتقوية المعنى من خلال استخدام الصفات في كلتا القصتين الكلمات المفتاحية: التعبيرية، ليونيد اندرييف، بوريس زائتسف، اكرافينا، الانطباعية، النص الفني، النعت، التكرار، الانقلاب، الحس المشترك.

**Epithets in the story of Leonid Andreev
"The Life of Vasily of Thebes" and in the story "Agrafene" by
Boris Zaitsev.**

Assistant Professor Hadeel Ismaeel Khalil Baghdad University /
College of Languages/ Department of Russian Language.

hadeelismaeel@colang.uobaghdad.edu.iq

Keywords: Expressionism, Leonid Andreev, Boris Zaitsev, Akravina, impressionism, artistic text, epithet, repetition, inversion, common sense.

Abstract: The aim of the research is to describe the general patterns and individual characteristics of the structural qualities in L. Andreev's story "The Life of Vasily Vivesky" and the story of

B. Zaitsev "Agrafina". Through the article, the allegorical-stylistic characteristics of the adjectives in both stories are presented. In both stories we notice a reflection of the Russian reality and the literary directions that the two writers follow through the adjectives used. Despite the different views of the two writers, we note that there are similar features in the objectives description and the ambition to strengthen the meaning through the use of adjectives in both stories.

Эпитеты в повести Леонида Андреева «Жизнь Василия Фивейского» и в повести «Аграфена» Бориса Зайцева.

Ключевые слова: Л. Андреев, «Жизнь Василия Фивейского», экспрессионизм, Б. Зайцев, «Аграфена», импрессионизм, художественный текст, эпитет, цветопись, повтор, инверсия, синэстезия.

Аннотация: Целью данного исследование является описание общих закономерностей и индивидуальных особенностей функционирования эпитетов в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» (1903) и в повести Б. Зайцева «Аграфена» (1908). В статье дается образно-стилистическая характеристика эпитетов обеих повестей. В обоих рассказах мы замечаем отражение русской действительности и литературных тенденций, появившихся в литературе XX века, и которым следуют два писателя через используемые эпитетов. Несмотря на разные взгляды двух писателей, отметим наличие схожих черт в объективном описании и стремление усилить смысл за счет использования эпитетов в обоих рассказах.

Начало XX века – это не только хронологически, но и качественно новая эпоха для искусства «изменилось все – от статуса художника в обществе до внутренних закономерностей по которым строится эстетический универсум» (Зверев, 1992: 10).

Поэтому представляется важным сравнить языковые средства художественной выразительности писателей, тяготевших к различным направлениям в литературе. При сравнительном анализе ярче проявятся индивидуальные особенности стиля каждого писателя, и в то же время можно будет с большим основанием говорить о чертах характерных для русской прозы начала XX века.

Г. П. Федотов (1935) связывал процессы, происходившие в искусстве конца XIX – начала XX веков, с кризисом религиозного сознания, который неизбежно ведет к «взрыву антропоцентрической цивилизации» (Федотов, 1990 (1935): 220). Утрачивается целостность бытия, действительность начинает представляться отрывочной. Так возникает импрессионизм.

«Я начал с импрессионизма», - писал о себе в тысяча девятьсот сорок первом году Б. Зайцев (Воропаева, 1993: 16), к одному из произведений которого мы обратимся в данной работе.

Л. Андреев в поисках новых выразительных средств предвосхитил экспрессионизм. «Великое трансформирующее вселенское чувство экспрессионизма было направлено прежде всего против молекулярного дробления мира импрессионизма» (Эдшмид, 1986 (1917): 305).

В литературе экспрессионизма преобладает язык повышенной выразительности, необходимый для передачи обостренных эмоциональных состояний героев, которые «величественный в том смысле, что их бытие, их переживание – часть великого бытия неба и земли» (Эдшмид, 1986 (1917): 305).

Основной источник кошмара, наполняющий произведения Л. Андреева, - это трагедия одинокого человека, утратившего веру в Бога и оставшегося один на один со смертью и Хаосом. Природа в произведениях Л. Андреева одушевлена, и она

активно враждебна людям. Темные силы, рок довлеют над жизнью человека.

По Б. Зайцеву, «миром управляет кротость» (Ульянов, 1967: 91). Писатель не отделяет человека от природы, наоборот – сливается с ней. «Здесь же, в органическом пантеизме, корень его оптимизма, и этого прочного морализма, который выделяет его в среде модернистов» (Венгеров, 1916: 75). Из ранних произведений Б. Зайцева отчетливее всего это оптимистичное мирозерцание проявилось в повести «Аграфена».

Критики сравнивали это произведение с пьесой Л. Андреева «Жизнь Человека», мы же позволим себе сопоставить «Аграфену» с «Жизнью Василия Фивейского». Оба произведения написаны в одном жанре – это повести, близкие к житийной литературе.

Как Л. Андреев, так и Б. Зайцев хотели на примере своих героев показать сущность жизни человека. Оба автора не стремились к внешнему правдоподобию, для них Аграфена и Василий Фивейский – это символы, обобщенные образы человеческого существования, с помощью которых писатели стремятся постичь тайну бытия. Однако из-за глубоких различий в мировосприятии художников, итог их произведений получился различным.

«Катастрофа духа» (Богданов, 1990: 18) является главным содержанием повести «Жизнь Василия Фивейского» - одним из лучших произведений Л. Андреева. Писатель в духе новейшего индивидуалистического бунтарства перерабатывает сюжет библейской легенды о многострадальном Иове. Автор показывает лишь основные моменты жизни своего героя, ведя его от одного столкновения с роком к другому.

В вере о. Василий не находит оправдания страданиям человека, религия не отвечает на мучившие Фивейского вопросы о правде жизни. Постепенно герой приходит к

отрицанию Бога, «когда чаша весов дала власть реальной жизни и грубому факту, он [о. Василий] простился с своей физической оболочкой. Простился и оставил нам грубую, реальную правду жизни, страданий и смердящей смерти» (Ашешов, 1904: 97).

Б. Зайцев написал «светлую, мягкую поэму» (Венгеров, 1916: 70). Писатель, изображая человеческую жизнь, обращается к стихии женской души, которая раскрывается в любви. Этапы любви являются главными вехами жизни Аграфены. Через страдание приходит к героине примирение с прошлым и понимание смысла человеческого бытия. Все ее любви и муки были даны ей «как таинственные прообразы Любви единой и вечной» (Ефимов, 1961: 145). Аграфена примиряется с жизнью, так как понимает, что все от Бога и во всем Бог, и брэнная ее жизнь на земле сменится вечной на небесах.

Особенности стиля каждого писателя «непосредственно соприкасаются с областью тропов и фигур» (Григорьев, 2006: 145). Тропы дают возможность свежего взгляда на мир, благодаря им происходит перегруппировка признаков, изменяется значение слова. «Самый простой способ выдвинуть тот или иной признак – это его назвать. Этот способ именуется термином эпитет» (Томашевский, 1959: 200). В данной работе под эпитетом понимается «всякое слово, определяющее, поясняющее, характеризующее и т.д. какое-либо понятие» (Тимофеев, 1976: 217). Мы исходим из того, что экспрессивную, образную функцию могут выполнять и нейтральные слова, так как, называя предмет, характеризуя его, писатель выражает свое видение данной реалии. С помощью эпитета автор художественного произведения подчеркивает тот признак, который кажется ему наиболее важным, на который он хочет обратить внимание читателей.

Вступая во взаимодействие, переключку друг с другом, эпитеты организуют текст, придают ему определенное звучание, во многом определяют восприятие произведения читателями.

В повести Б. Зайцева «Аграфена» (1908) эпитет является важнейшим средством создания художественной выразительности. В центре внимания писателя находится внутренняя жизнь героини, раскрывающаяся в многообразии воспринимаемых Аграфеной в момент созерцания признаков. Живописуя момент, ситуацию, Б. Зайцев дает почувствовать, как много заключено в этом моменте, как он связан с прошлым и будущим.

«Седая печаль повивала ей [барыне] голову: печаль ровесница самому миру» (Зайцев, 1993 (1908): 125).

Со стремлением к отображению действительности в процессе ее восприятия связано обилие предикативных форм: «были черны пары» (Зайцев, 1993 (1908): 119), «в синеющей дымке» (Зайцев, 1993 (1908): 120), «нарывала Груша ландышей, белеющих и одуряющих» (Зайцев, 1993 (1908): 121), «он [кучер] был молод, черноус и остр» (Зайцев, 1993 (1908): 125). Эпитеты создают не только динамичные описания, но и передают сложные человеческие переживания, синтез разных ощущений: «недосягаемо-чудесный» (Зайцев, 1993 (1908): 122), «Во взглядах отца Дмитрия было одновременно почтительное и внутренне неодобряющее» (Зайцев, 1993 (1908): 124).

Художественные определения связывают в единое целое изображение природы и душевного мира человека, реализуют в произведении тему божественного, вечного:

«После он уплыл в вечернюю мглу, а она стала на коленях и молилась вслух полям, овсам, небу, Богоматери кроткой и милостивой, посетившей в тот вечер нивы» (Зайцев, 1993 (1908): 123);

«Краснел май, пролетая в огненных зорях, росах; кукушки медово куковали, точно окуковывали молодую жизнь. Солнце вставало пламенным и пахучим, глубокими ароматами дымились луга под ним, и скаты розовели, окровавившись «зарей», медвяно-липкой пурпурной травкой» (Зайцев, 1993 (1908): 120-121).

Проблема человеческого бытия решается автором «Аграфены» в духе оптимизма. Светлое восприятие жизни самим писателем отражается в подборе эпитетов. Язык повести Б. Зайцева не волнует, а успокаивает.

Для Л. Андреева главное донести до читателя свою мысль о трагичности человеческой жизни. Писатель стремится максимально повысить выразительность своей прозы, чтобы потрясти читателя.

Особенностью стилевой манеры автора повести «Жизнь Василия Фивейского» (1903) является гораздо большая степень интенсивности использования того или иного приема по сравнению с повестью Б. Зайцева «Аграфена». У Л. Андреева нет полутонов, нюансов, все обострено до предела. Стремлением к максимальной выразительности объясняется обращение писателя к гиперболизации, которая нарушает пропорции и усиливает схематичность описаний. Выразительность эпитетов повышается благодаря гиперболическому выражению признака:

«Дико-жалобен и страшен был одинокий крик о помощи, и ниоткуда не было ответа» (Андреев, 1990 (1903): 503); «Как огромный чудовищный брильянт, сверкал этот мир в бездонных солнечных глубинах» (Андреев, 1990 (1903): 530); «И когда он [о. Василий] заговорил, отдельно и громко, как говорят с глухими, в голосе его звучала непоколебимая и страшная вера» (Андреев, 1990 (1903): 526).

К гиперболическим эпитетам в повести Б. Зайцева «Аграфена» можно отнести прилагательные *безмерный* и *безграничный*, которые часто повторяются в повести, но в

них, в отличие от гиперболических эпитетов Л. Андреева, нет ничего пугающего: «вид безмерных родных равнин» (Зайцев, 1993 (1908): 122), «от голоса отца Дмитрия, высокого, тонкого, веяло таким безмерным, что она в ужасе спрашивала себя: верю или не верю?» (Зайцев, 1993 (1908): 123), «безмерным мраком» (Зайцев, 1993 (1908): 119), «Тогда стала плакать – медленными, безграничными слезами» (Зайцев, 1993 (1908): 132].

Философско-мировоззренческую концепцию автора художественного произведения опосредованно выражает цветопись. В то же время цветопись создает наглядный зрительный образ, называя признаки, непосредственно воздействующие на органы чувств читателя. Таким образом, цветономинация является существенным элементом искусства слова, и на ее примере можно показать особенности стиля Л. Андреева и Б. Зайцева.

Цветовой доминантой по эстетической значимости и по частоте использования в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» является черный цвет. Прилагательное *черный* используется как в прямом номинативном значении: «заметил [Мосягин] его [о. Василия] гнилые черные зубы» (Андреев, 1990 (1903): 512) так и в метафорическом контексте: «черные провалы притаившейся далекой мысли» (Андреев, 1990 (1903): 504).

Статистический анализ материала показал, что черный цвет Л. Андреев в повести «Жизнь Василия Фивейского» использует в основном в портретных описаниях. Этот цвет приобретает характер лейтмотивной детали в описании Василия Фивейского. Черный - это цвет его глаз, волос, зубов, одежды: «О. Василий поднял глаза кверху, - они были маленькие, ввалившиеся, черные, как уголь» (Андреев, 1990 (1903): 491); «длинные исчерна-седые нити волос» (Андреев, 1990 (1903): 504); «заметил [Мосягин] его [о. Василия] гнилые черные зубы» (Андреев, 1990 (1903): 512); «о.

Василий переоблачался в черную бархатную ризу» (Андреев, 1990 (1903): 548).

Черный становится символом жизни священника. Сохраняя цветовой признак, прилагательное осложняется переносным значением – ‘мрачный, тяжелый, безотрадный’ (Ушаков, 1996 (1940): 1260).

В отличие от других членов семьи Фивейского, в описаниях которых преобладает черный цвет, в описании попадьи преобладает не темная, а светлая цветовая гамма: «Была она [попадья] еще молода и красива, и на плохонькой домашней ряске мужа рука ее лежала как мраморная: белая и тяжелая» (Андреев, 1990 (1903): 490).

Но попадья меняется под ударами рока, что нашло отражение в цветописи: «Молода она еще была, а в волосах у нее пролегли уже серебристые нити, и белые зубы почернели и запухли глаза» (Андреев, 1990 (1903): 494).

Белый цвет является вторым по частоте употребления в повести «Жизнь Василия Фивейского», значительно реже Л. Андреев использует другие цвета.

В повести Б. Зайцева «Аграфена» нет явного преобладания какого-либо одного цвета. В цветописи повести присутствуют белый, черный, красный, синий, серый, желтый и другие цвета.

Символические значения прилагательного *черный* и синонимичного ему прилагательного *темный* значительно отличается от тех, которые эти эпитеты имеют в повести Л. Андреева. Даже в тех описаниях, где черный является цветом смерти, как например, в описании монашки, появление которой предвещает смерть, в этом цвете нет ничего зловещего. Б. Зайцев показывает, что монахиня послана Богом, чтобы провести человека из бренного мира к жизни вечной. Поэтому с ее появлением «ступенью ровнее» (Зайцев, 1993 (1908): 145) делается в душе Аграфены.

Белый цвет в повести Б. Зайцева «Аграфена» символизирует трогательную чистоту и красоту юности, первой любви: «Белое облако молодости, сияний, люстр приняло их» (Зайцев, 1993 (1908): 134).

Большую роль в создании цветовой гаммы обеих повестей играют оттеночные цветообозначения. Писатели используют несколько основных способов передачи оттенков цвета:

1) с помощью суффиксов –еньк-, -оват-: «о. Василий заметил пробор – серенькую полоску кожи» (Андреев, 1990 (1903): 505), «при слабом синеватом свете лампы» (Андреев, 1990 (1903): 522]; «барыня, выйдя утром в сереньком своем халате» (Зайцев, 1993 (1908): 128), «растаять синеватым туманом» (Зайцев, 1993 (1908): 123);

2) окачественные относительные прилагательные: «с темными, как будто бронзовыми лицами» (Андреев, 1990 (1903): 525), «в голове пробегает волос серебряный» (Зайцев, 1993 (1908): 128);

3) сложные прилагательные, образованные сложением основ двух прилагательных, называющих оттенки одного цвета (этот прием встречается только в повести Л. Андреева): «волокнустую, серо-пепельную землю» (Андреев, 1990 (1903): 497), «крово-красными жилками» (Андреев, 1990 (1903): 544);

4) сложные прилагательные, образованные сложением основ двух цветowych прилагательных, называющих разные цвета: «В церкви темнело буро-синей беспокойной темнотою» (Андреев, 1990 (1903): 548], «одевал серо-синеватым тоном» (Зайцев, 1993 (1908): 142);

5) сложные прилагательные, образованные сложением основ цветowego и нецветowego прилагательных: «Он [Мунька] походил на снежно-серебряную копну» (Зайцев, 1993 (1908): 129), «с крупными влажно-зелеными листьями» (Андреев, 1990 (1903): 540)].

В практике русских писателей начала XX в. наблюдается стремление соединить восприятие разных органов чувств, появляется синэстетическая метафора. Так, цветное впечатление может соединяться со слуховым, например у Л. Андреева: *черные слепые звуки* (Андреев, 1990 (1903): 540) или у Б. Зайцева: «Она [смерть] шла неотвратимо звуча бархатно-черным тоном» (Зайцев, 1993 (1908): 129), запах соединяется с цветом: «сладко пахло белым, нежным» (Зайцев, 1993 (1908): 121).

У Б. Зайцева шире, чем у Л. Андреева, круг слов, способных сочетаться с цветовыми прилагательными. Определяемыми в таких случаях могут быть отвлеченные существительные, обозначающие чувства, внутренние состояния, временные отрезки и пространства: «Аграфена же томилась в черном прозябании» (Зайцев, 1993 (1908): 134), «Так было и в тот вечер апрельский, алый и нежный» (Зайцев, 1993 (1908): 120), «белое облако молодости» (Зайцев, 1993 (1908): 134).

Иногда Б. Зайцев пользуется особым стилистическим приемом – субстантивацией прилагательного. Создав определенный цветовой образ, автор «Аграфены» сосредотачивает на нем внимание читателя, само же определяемое вытесняется на второй план, оно восстанавливается благодаря контексту. Происходит свертывание сочетания «определение + определяемое»: «опалово-лиловое разливается в воздухе» (Зайцев, 1993 (1908): 139), «*точно жило в ней смутное и слегка загадочное*» (Зайцев, 1993 (1908): 130] Акцент переносится с описываемого предмета на его признак.

Эмоциональные эпитеты, образующие пары с цветовыми определениями, различны в двух повестях. В «Жизни Василия Фивейского» это в основном слова, описывающие отрицательные эмоции, тогда как в повести Б. Зайцева

«Аграфена» преобладают эпитеты, несущие положительный эмоциональный заряд.

Для идиостилей Б. Зайцева и Л. Андреева характерно особое внимание к эпитетам. То или иное понятие чаще всего определяется двумя или тремя эпитетами. Закрытый ряд однородных определений создает смысловое и интонационное единство: «старинно и печально было в этой комнате» (Зайцев, 1993 (1908): 131); «И был отвратителен и страшен его [идиота] вид» (Андреев, 1990 (1903): 499).

Особого внимания заслуживают инверсивные употребления определений. Нахождение определения после определяемого слова как в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского», так и в «Аграфене» Б. Зайцева, способствует выделению данных слов в контексте произведения, повышению их экспрессивности, сосредотачивает на них внимание читателя: «и особенный, казалось, воздух, губительный и тлетворный, окружал его [о. Василия]» (Андреев, 1990 (1903): 489), «она [попадья] вставала, ленивая и тусклая» (Андреев, 1990 (1903): 490); «Там сидел «он», синеглазый и тонкий» (Зайцев, 1993 (1908): 119), «в тот вечер апрельский, алый и нежный» (Зайцев, 1993 (1908): 120).

Повтор в качестве стилистического приема активизируется в художественной литературе начала двадцатого века. Но у разных писателей он используется с различной интенсивностью.

Л. Андреев стремится потрясти своих читателей, поэтому в повести «Жизнь Василия Фивейского» часты повторы, которые усиливают воздействие художественной речи. «От повторения все более активизируются и проявляются потенциальные художественные возможности слова, его логический смысл обогащается дополнительными эстетическими и эмоциональными оттенками» (Пресняков, 1975: 15).

Л. Андреев использует как лексический, так и корневой повторы: «...существовала крохотная земля, и на ней жил один огромный о. Василий со своим огромным горем и огромными сомнениями» (Андреев, 1990 (1903): 506]; «дрожали горькие слова в старческих дрожащих устах» (Андреев, 1990 (1903): 548).

«Контактные повторы» (Кожевникова, 1986: 118) организуют небольшие отрывки текста. Они часто встречаются в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского», и их совсем нет в «Аграфене» Б. Зайцева.

«Рассеянные повторы» (Кожевникова, 1986: 118) определяют тональность всего произведения и связывают самостоятельные темы в единое целое. Например прилагательное *таинственный* в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского»: «и долго не замечал той зловещей и таинственной преднамеренности, с какою стекались бедствия на его [о. Василия] некрасивую, вихрастую голову» (Андреев, 1990 (1903): 489); «и такая же темная и таинственная, как души животных, была его [калеки] душа» (Андреев, 1990 (1903): 520); «о таинственных судьбах человеческой жизни» (Андреев, 1990 (1903): 506); «вечно лгущая жизнь словно обнажала свои темные таинственные недра» (Андреев, 1990 (1903): 496) и т.д.

Следует отметить, что прилагательное *таинственный* и наречие *таинственно* относятся к немногим повторяющимся эпитетам в повести Б. Зайцева «Аграфена». Они присутствуют в описаниях возлюбленных Аграфены, символизируя их непонятный Аграфене мужской мир. Эти же определения описывают то, что находится за границей человеческой жизни, но в отличие от описаний Л. Андреева в повести Б. Зайцева в таинственности нет угрозы, она не вызывает страх.

«Груше с этими словами показалось, что опять он не веселый и смеющийся, а тайный, далекий» (Зайцев, 1993

(1908): 122); «Он же покинул те края, не возвращался больше и пребыл таинственным посетителем, пришедшим в жизнь Аграфены на ее ранней заре» (Зайцев, 1993 (1908): 123); «На воротах кладбища не было ничего написано, но сразу другой воздух охватил, еще прозрачнее, суше, таинственней» (Зайцев, 1993 (1908): 132); «Аграфена сочла это [письмо] за глосс Провиденья, таинственно воззавшего к ней» (Зайцев, 1993 (1908): 136); «ее [Аграфены] душа в тот миг расставания таинственно обручилась с душой жениха» (Зайцев, 1993 (1908): 136).

В произведении Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» выразительность преобладает над изобразительностью, поэтому в стилистике повести повторы несут образно-эмоциональную нагрузку, усиливая психологический эффект воздействия художественной речи: «сидит некто неожиданный и страшный, безумием рожденный» (Андреев, 1990 (1903): 499), «попадья ... навсегда запомнила простую и страшную картину человеческой смерти» (Андреев, 1990 (1903): 490), «страшная и неподвижная маска идиота» (Андреев, 1990 (1903): 500), «за пределами знакомого ей [попадье] и по-прежнему страшного мира» (Андреев, 1990 (1903): 524) и т.д.

Повторы эпитетов усиливают психологический эффект воздействия описаний на читателя. Через лейтмотивность воплощается специфичность авторского видения мира. Эпитеты *страшный*, *жуткий*, *таинственный* со всей полнотой отражают суть трагического мировосприятия Л. Андреева.

И в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского», и в произведении Б. Зайцева «Аграфена» определения при одном слове могут вступать в антонимические отношения друг с другом.

Действительность виделась Л. Андрееву построенной на контрастах, отсюда постоянное противопоставление в

повести «Жизнь Василия Фивейского» образов и ситуаций. У Л. Андреева это сопоставление самых контрастных понятий, у писателя нет полутонов: «И тогда в нарастающей мгле зимних сумерек между ними [о. Василием и Настей], похожими и разными, произошел короткий и странный разговор» (Андреев, 1990 (1903): 508], «вся красивая и безобразная [о попадье]» (Андреев, 1990 (1903): 495).

В повести Б. Зайцева «Аграфена» в создании контраста участвуют слова, которые не являются антонимами в системе языка: «Больше в эту сладкую и больную комнату она [Аграфена] не возвращалась» (Зайцев, 1993 (1908): 136); «Аграфене сладко и жутко, что ее, такую пожилую, обнимают и плачут с ней, как с ребенком» (Зайцев, 1993 (1908): 138]. Эпитеты *сладкий*, *сладко* являются контекстуальными антонимами к словам *больной* и *жутко*.

В повести Б. Зайцева «Аграфена» эпитет может вступать в антонимические отношения с определяемым словом, образуя стилистическую фигуру – оксюморон: «И вдруг в тишине снегов лежащее, острое видение выплыло из глуби и наполнило ее [Аграфену] сладкой болью» (Зайцев, 1993 (1908): 132); «сквозь светлую мглу» (Зайцев, 1993 (1908): 119).

Как в повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского», так и в «Аграфене» Б. Зайцева языковые или контекстуальные антонимы, объединяясь в рамках предложения, передают «сложную цельность переживания или явления» (Кожевникова, 1986: 29): «и хоть она и от того раза почувствовала к нему тайную трепетную близость, все же был он и безмерно далек» (Зайцев, 1993 (1908): 121).

Роль антонимов в повести «Жизнь Василия Фивейского» этим не исчерпывается. Для мировосприятия и стиля Л. Андреева существенна категория контраста. Даются в оппозиции человек – рок, человек – природа, надежды человека – его реальные возможности. В большинстве

случаев происходит дискредитация положительно маркированных членов оппозиций либо ближайшим словесным окружением, либо более широким контекстом: пьяная, напуганная попадья, бессильный чем-либо помочь жене о. Василий и разбуженная посреди ночи Настя «молча садились играть в веселую и смешную игру» (Андреев, 1990 (1903): 502).

Особую группу эпитетов составляют определения, относящиеся к «области метафорического словоупотребления» (Григорьев, 2006: 152). Метафорический эпитет – сложный троп, совмещающий в себе эпитет и метафору. Он «предполагает параллелизм впечатлений, их сравнение и логический вывод уравнения» (Веселовский, 1941: 76). В повести Л. Андреева «Жизнь Василия Фивейского» метафорические эпитеты усиливают мрачность описаний, создают образ враждебного человеку мира: «мертвая водяная пыль» (Андреев, 1990 (1903): 496), «в холодной и мертвой пустоте» (Андреев, 1990 (1903): 500), «и тишина стояла немая и тяжелая» (Андреев, 1990 (1903): 544), «вечно лгушая жизнь» (Андреев, 1990 (1903): 496).

Совсем другую атмосферу создают метафорические эпитеты в повести Б. Зайцева «Аграфена»: «дрова, свежеспавнущие, веселые» (Зайцев, 1993 (1908): 123), «скромным вечером» (Зайцев, 1993 (1908): 136).

Проведенный анализ эпитетов двух повестей «Жизнь Василия Фивейского» Л. Андреева и «Аграфены» Б. Зайцева показал, что при всем различии индивидуальных почерков писателей в стиле их произведений есть общие черты. Прежде всего, это субъективность описаний и стремление к усилению выразительности эпитетов.

Общие черты в способах художественного отражения мира неизбежно должны были появиться у авторов одной эпохи, так как в языке литературы отражается дух времени. В каждом произведении есть черты, «свойственные культуре в

целом, как бы отражающие ее общее самосознание и самоощущение» (Очерки истории языка русской поэзии XX века, 1990: 253).

Однако художественные принципы Л. Андреева и Б. Зайцева значительно отличаются с точки зрения отбора эпитетов и характера их использования. За этим не только два различных взгляда на художественное творчество, но и два разных мироощущения.

Источники:

1. Андреев Леонид (1990). Жизнь Василия Фивейского *Андреев Леонид. Собр. Соч.:* В 6 тт. Т. 1. М.: Художественная литература.
2. Ашешов Н. (1904) Из жизни литературы. *Образование.* № 5.
3. Богданов А. В. (1990). Между стеной и бездной. Леонид Андреев и его творчество. *Леонид Андреев Собрание сочинений в шести томах.* М.: Художественная литература. Т. 1.
4. Веселовский А. И. (1941) *Историческая поэтика.* М.: Художественная литература.
5. Воропаева Е. (1993). Жизнь и творчество Бориса Зайцева. *Зайцев Б. К. Сочинения в 3-х томах.* Т. 1 М.: Терра-Терра.
6. Григорьев В. П. (2006). *Велимир Хлебников в четырехмерном пространстве языка: избранные работы, 1958-2000-е годы.* М.: Языки славянских культур.
7. Ефимов А. И. (1961). *Стилистика художественной речи.* М.: Изд-во Моск. ун-та.
8. Зайцев Б. К. (1993). Аграфена. *Зайцев Б. К. Сочинения в 3-х томах.* Т. 1 М.
9. Зверев А. (1992). Двадцатый век как литературная эпоха. *Вопросы литературы.* М. Вып. 2. С. 3-56

10. Кожевникова Н. А. (1986). *Словоупотребление в русской поэзии начала двадцатого века*. М.: Наука.
11. *Очерки истории языка русской поэзии XX века: Поэтический язык и идиостиль: общие вопросы. Звуковая организация текста*. (1990). М.: Наука.
12. Пресняков О. П. (1975). О повторяющемся слове в стилистике и композиции драмы. *Русская литература XIX в. Вопросы сюжета и композиции*: Межвуз. сб. Вып. 2. Горький. С. 14-20.
13. Венгеров С. А. (Ред.) (1916). *Русская литература XX века*. Кн. 8. М.
14. Тимофеев Л. И. (1976). *Основы теории литературы*. М.: Просвещение.
15. Ушаков Д. Н. (Ред.) (1996). *Толковый словарь русского языка*: В 4 т. М.: Терра-Терра, Т. 4.
16. Томашевский Б. В. (1959). *Стилистика и стихосложение*. Л.: Учпедгиз.
17. Ульянов Н. Б. К. (1967) Зайцев (к 80-летию). *Диптих*. Нью-Йорк.
18. Федотов Г. П. (1990). Борьба за искусство (1935). *Вопросы литературы*. М., №. 2. С. 193-238.
19. Эдшмид Казимир (1986). *Экспрессионизм в поэзии. Называть вещи своими именами*. М.: Прогресс.